

У У Лаолю, воспользовавшись последними отблесками заката, гнал телегу так быстро, как только мог, и всё же добрался до деревни Байхэ лишь тогда, когда дорога почти скрылась в сумерках.

Он не стал заезжать к себе домой, а направил повозку напрямик к воротам усадьбы семьи Цяо и, прыгнув на землю, принялся с грохотом колотить в дверь.

— Кто это там! Покоя ни днем ни ночью нет!

Дверь открыла Лю-ши, а следом за ней выглянула Ли-ши, которой не терпелось узнать, что стряслось. Увидев У Лаолю, обе изумились. Лю-ши уже приготовилась что-то спросить, но У Лаолю, словно вихрь, выпалил всё как на духу.

— Что ты сказала? — Услышав от У Лаолю, что Цяо Юнь пропала в уезде Цюйво, Лю-ши мгновенно побледнела, лицо её стало блее полотна. Придя в себя, она поспешно переспросила, дрожа от волнения: — Она точно пропала?

Может, он ошибся?

— Самая что ни на есть правда! — У Лаолю было уже за семьдесят, он был сухим и жилистым, а теперь от тревоги стал казаться совсем дряхлым, морщины на его лице собрались в одну сплошную складку. — Я боюсь, как бы её не умыкнули торговцы людьми! Нужно немедленно искать!

Ли-ши тоже занервничала. Ведь именно она отвела Цяо Юнь в ту заброшенную кумирню и опоила дурманом, да еще и одела её в те лохмотья — за одну ночь девчонка должна была околеть наверняка! Как она могла добраться до уездного города?

Будучи не шибко смышленной, она выпалила:

— Да как же это возможно! Я ведь... Мы же сто раз ей наказывали никуда не ходить! Ох, девчонка, ну почему же она такая непослушная!

Лю-ши поспешно оборвала её, бросив свирепый взгляд. В душе она кипела от ярости: эта глупая баба вечно всё портит! В деревне продажу ребенка еще могли простить, но если станет известно, что они собственноручно сгубили её — люди засмеют и заплютят! Соседи знали, что семья Цяо не бедствует: они могли позволить Цяо Саню учиться в уезде и даже выдать за него дочь уездного чиновника. С таким достатком продажа внучки неминуемо вызвала бы пересуды.

А Цяо Юнь всё-таки была дочерью их покойного сына. Если окружающие узнают, что её продали, когда еще и ста дней со смерти её родителей не прошло, то не только Лю-ши, но и сам Цяо Сань не сможет поднять головы перед своими однокашниками.

Лю-ши принялась картинно бить себя в грудь и голосить, стараясь выглядеть как можно более встревоженной:

— Ох, бедняжка Юнь-я! Только родителей лишилась, и на тебе — такая напасть! Старина У, спасибо, что пришел и сказал. Если с ней что случится, как я после смерти посмотрю в глаза старику? Только в уезде людей видимо-невидимо, найти её непросто. У тебя есть время еще раз съездить? Мы пойдем в управу, пусть чиновники помогут!

В такое время канцелярия была давно закрыта, а даже если бы там и были дежурные стражники, У Лаолю ни за что не поехал бы обратно в темноте. Лю-ши прекрасно это понимала. Однако она разыграла спектакль безупречно. У Лаолю, который не был с ней близко знаком, поверил в её искреннюю заботу и сказал, что уже слишком поздно, поэтому он отправится в уезд завтра с утра.

Проводив У Лаолю, Лю-ши перевела дух и, обернувшись к Ли-ши, с яростью зашипела:

— Бестолковая ты тварь! Ничего поручить нельзя! Девчонку не смогла удержать!

— Да как же так! Я ей столько дурмана влила, что и быка бы свалило! — оправдывалась Ли-ши, чувствуя себя неудобно.

Лю-ши велела ей вернуться, только когда девчонка испустит дух, но Ли-ши испугалась и просто бросила её в кумирне. Чтобы та наверняка замерзла, она оставила двери открытыми. В такой мороз и часа хватило бы, чтобы всё было кончено! Неужели... неужели там завелись призраки?

— Может, Да-я ожила? Там ведь статуя Туди-гуна стоит, смотрит...

— Тьфу! — Лю-ши смачно плюнула на землю, и в её крысиных глазках блеснула жестокая решимость. — Чушь! Если бы тот Туди был хоть на что-то способен, его кумирня не была бы такой развалюхой. Лучше бы её и правда украли, лишь бы она сама не сбежала. Завтра же поедem в уезд, проверим всё сами.

— Матушка, что случилось? — услышав шум, из комнаты вышла Цяо Цзаохуа, приподняв занавеску.

Увидев младшую дочь, Лю-ши немного смягчилась:

— Цзаохуа, завтра поедешь со мной в уезд Цюйво.

Цяо Цзаохуа недоумевала: зачем ей в такую стужу тащиться в город? Она больше всего на свете любила нежиться на теплой кан. Но Лю-ши, поздно родившая дочь, души в ней не чаяла и в обычное время никогда бы не заставила её мерзнуть.

Цяо Юнь хоть и была тихой, но глупой не слыла. Семья Цяо довела мать Цяо Юнь до смерти, и Лю-ши боялась: если девчонка выжила и сбежала, она может вернуться и жестоко отомстить.

— У Лаолю сказал, что Цяо Юнь потерялась в уезде. Завтра поедem поищем, — мягко сказала госпожа Лю, глядя на дочь.

На следующее утро, еще до рассвета, закусочная Юнь Цзи открыла свои двери. Название Юнь Цзи, а не Цяо Цзи, было выбрано неслучайно: Цяо Юнь не хотела, чтобы члены семьи Цяо, приехав в уезд, хоть как-то связали это место с ней.

Под навесом висел фонарь с вывеской Юнь Цзи — чтобы не тратиться на дорогую вывеску, она сделала её в игре. У входа стояли шесть угольных печей: на четырех возвышались пароварки, из которых валил аппетитный пар, а на двух других в огромных глиняных горшках варилась каша. На прилавке внутри стояли корзины, укрытые теплыми одеялами, в которых хранились два вида лепешек.

Дверь открывалась наружу, и на ней висели дощечки с сегодняшним меню. Цяо Юнь стояла за столом внутри.

Сегодня в меню были сладкие рисовые лепешки из печи, тонкие лепешки с зеленым луком, жаренные на железном противне; большие паровые булочки с мясом и с капустой и тофу; маленькие булочки с начинкой из красной фасоли и из грибов с зеленью; а в горшках томились каши из маша с просом и из красной фасоли с бусенником.

Соседние лавки потихоньку открывались, но посетителей еще не было. Прохожие, спешившие по делам, иногда останавливались, с любопытством поглядывая на прилавки, но попробовать не решались.

Через несколько минут Цяо Юнь увидела госпожу Ван, которая, покачивая бедрами, шла к ней с корзиной и коробом для еды. Увидев открытую лавку, она удивленно округлила глаза, а затем улыбнулась. Она планировала зайти сюда, чтобы поддержать девочку, и если та еще не открылась — купить завтрак в другом месте, но не ожидала такой прыти.

Госпожа Ван обошла печи и рассмеялась:

— Ого, а у тебя всё готово. Малышка Цяо, что у тебя есть и почему?

Цяо Юнь тут же вышла из-за стойки и с улыбкой перечислила меню, добавив:

— Рисовые лепешки — одна монета за две штуки, лепешки с луком — две монеты за три, мясные булочки — одна монета за штуку, овощные — одна монета за две; маленькие булочки —

две монеты за порцию. При покупке булочек и лепешек — порция каши из проса и две закуски в подарок. Каши из красной фасоли и проса отдельно — по две монеты за порцию.

Такие же цены, как в Дин Ши Цзи? Старушка из соседней лавки покачала головой. Цена вроде бы не кусается, но Дин Ши Цзи — это большой ресторан, там и еда вкусная, и цены оправданы. Сможет ли простая девчонка приготовить что-то стоящее? Для обычного люда такие цены могли показаться завышенными. Толпа зевак начала редеть.

Однако госпожа Ван была женщиной не бедной, к тому же вчера она приняла у Цяо Юнь залог в двести монет, так что цена её не смущала. Её сыновья были бездельниками и воришками, и если бы не муж, она бы давно извелась от горя. Глядя на рассудительную и послушную Цяо Юнь, ей хотелось бы, чтобы такая дочь была у неё самой.

Цяо Юнь приоткрыла крышку пароварки с большими булочками. В лицо госпоже Ван ударил густой, насыщенный мясной аромат — такой запах бывает только у булочек с хорошей начинкой!

Прохожие, уже было собравшиеся уходить, замерли на месте, не в силах отвести взгляд от пароварки. Когда пар немного рассеялся, стали видны пухлые, белоснежные булочки размером с ладонь, с идеально ровными складками. Они выглядели так соблазнительно, что слюнки потекли сами собой.

— Дай-ка мне две порции лепешек с луком, четыре мясные булочки и две большие порции каши из красной фасоли, — радостно сказала госпожа Ван, протягивая корзину.

— Сейчас сделаю! — Цяо Юнь завернула лепешки и булочки в промасленную бумагу, положила в корзину, добавила две тарелочки с острой капустой и маринованной редькой, а затем налила кашу в керамический термо-короб.

В тот момент, когда она открыла горшок, сладкий аромат долго томившегося бусенника и фасоли вырвался наружу. Окружающие больше не могли бороться с голодом: один из них решительно шагнул в лавку, сел за стол и крикнул:

— Мне две большие мясные булочки и порцию каши!

Стоило одному сделать заказ, как дело пошло куда легче.

<http://bllate.org/book/20024/1976441>